

ПИСЬМА НАСТОЯТЕЛЬНИЦЫ
ЛЕУШИНСКОГО МОНАСТЫРЯ
ИГУМЕНИИ ТАИСИИ
НОВГОРОДСКОМУ АРХИЕПИСКОПУ АРСЕНИЮ

В Москве, в Государственном Архиве Российской Федерации, в личном фонде митрополита Ташкентского Арсения (Стадницкого)¹ хранятся 17 писем игумении Таисии (Солоповой) – настоятельницы Иоанно-Предтеченского монастыря Череповецкого уезда Новгородской епархии. Они относятся к 1911–1913 годам и адресованы митрополиту в бытность его архиепископом Новгородским и Старорусским. В личном архиве владыки они оказались по той причине, что отсылались игуменией Таисией не через Новгородскую Консисторию – официально, а лично – в виде частных писем. Однако по своему содержанию они не носят личный характер, а предваряют либо официальные прошения настоятельницы, либо уточняют какие-либо обстоятельства текущих дел.

Письма начинаются почтительным обращением к правящему архиерею, принятому в то время – «Владыко Святый!», выражая искреннее уважение и послушание автора своему священноначалию. В одном из писем читаем: «Вы так напомнили нам незабвенного нашего отца Иоанна², и с Вами мы чувствовали себя как с ним, родным и близким сердцу». И добавляет: «Вы, Владыко Святый, желали иметь на память его вещишки – примите таковые от меня: его пояс, ношенный им в последние годы, вставочку для перьев, коею он писал, и портрет на фарфоре». Без сомнения, это был драгоценный дар глубоко почитаемому архипастырю.

Сообщая нам множество важных подробностей, касающихся монастырской жизни, письма прямо или косвенно отражают удивительный духовный мир самой матушки Таисии, широту ее деятельной натуры, необыкновенную чуткость к людям.

Условно собрание найденных нами писем игумении Таисии можно разбить на три темы. Первая касается возобновления Антониево-Черноезерской пустыни в Череповецком уезде в 1911 году.

К этой теме игумения возвращается неоднократно (письма № 2–9, 13, 14). В письме от 8 января 1912 года читаем: «Простите ради Господа, что опять беспокою Вас своим письмом, но ведь сами изволите видеть – не о себе забочусь, а об новой Черноезерской обители; кажется, только гробовая доска, на краю которой я уже находилась, сильна будет пресечь эти заботы». Идея восстановления пустыни принадлежала, как видно из писем, самому архиепископу Арсению, но высказана была в форме общего благопожелания. Матушка же Таисия не только взялась за это дело, но и вкладывала в него свою душу: «Сама не знаю, почему так рвется моя душа на это святое дело», пишет она в письме от 3 апреля 1911 года.

С открытием навигации 1911 года игумения Таисия сама едет на Черные озера, чтобы лично ознакомиться с местностью, узнать, как местные жители отнесутся к новой обители, будут ли содействовать в постройке, где найти материалы для строительства, предлагает также пожертвовать в пользу Черноезерской обители участок для подворья в Череповце, принадлежавший Леушинскому монастырю. При этом, по договоренности с епархиальным миссионером архимандритом Варсонофием, она имеет в виду построить на нем дом для миссионерской работы и церковь при нем. «Конечно, все это будет зависеть от взглядов и воли Вашего Высокопреосвященства, – пишет она, – я же только руковожусь желанием и усердием сделать что-либо во славу Божию, а что может быть выше миссионерского служения?». Упомянутый архимандрит Варсонофий – будущий священномученик, епископ Кирилловский Варсонофий (Лебедев), расстрелянный на Золотухе в 1918 году. Его имя не раз будет встречаться и в других ее письмах.

Игумения Таисия продумывает все вопросы, касающиеся устройства новой обители, как практические, так и административные, просит сделать распоряжение о принятии благочинным мер по подготовке необходимых документов. Не оставляют ее заботы и о будущих сестрах, которых она готовит в своем монастыре. По послужному списку Антониево-Черноезеского монастыря за 1921 год (более ранним мы, к сожалению, не располагаем) из 53 насельниц 23 перешли из Леушинского монастыря³. Первой настоятельницей пустыни стала монахиня Антонина. Ей в помощь была направлена монахиня Маргарита (Носова), имевшая аттестат чертежницы и помощницы архитектора. Она должна была заведовать возводимыми постройками и быть казначеей обители. Проект

нового храма должен был составить архитектор К. К. Романов, известный нам по реставрационным работам в Ферапонтовом монастыре. Не остался без внимания и вопрос о священнике. Матушкой упоминается проситель Черноезерского места отец Симон Витвицкий. Заботится она и о духовнике для сестер, поскольку для иночествующих был желателен не приходский священник, а иеромонах.

Усиленно приглашала матушка Таисия архиепископа Арсения для освящения закладки храма. Из публикаций тех лет мы знаем, что владыка, действительно, воспользовался приглашением. Объезжая в июне 1912 года Боровичский, Устюженский и Череповецкий уезды, он участвовал в торжествах возобновления чествования преподобномученика Евфросина Синозерского. Тогда же владыка совершил закладку новых храмов в Парфеновской (1 июля) и Черноезерской (2 июля) обителях. Несмотря на свои преклонные годы, 70-летняя старица Таисия встречала владыку в Череповце и повсюду сопровождала его в свои «дочерние» обители. Это была горячая пора сенокоса, как написано в брошюре «На духовной страде»⁴, но на торжества в Черноезерье собралось множество крестьян, в том числе и старообрядцев. Вскоре Антониева пустынь стала местом, вокруг которого началось формирование регулярных миссионерских курсов.

Непросто решались финансовые трудности в связи со строительством и обустройством новой общины. Матушка Таисия не раз докучала владыке Арсению просьбами похлопотать то перед новгородским губернатором В. А. Лопухиным об отпуске бревен, то перед Святейшим Синодом о ежегодном пособии на строительство храма, то о разрешении иметь сборную книгу.

Вторая тема писем игумении Таисии, которую хотелось бы выделить, касается ее духовных дочерей-«клеушанок», в том числе тех, которые были командированы в помощь новым обителям или стали игумениями других монастырей, основанных или возобновленных по благословию Иоанна Кронштадтского. В письме от 9 марта 1911 года игумения Таисия хлопочет за игумению Воронцовского Благовещенского монастыря Псковской губернии Холмского уезда Таисию (Павлову). По делу «иоаннитов» ее было решено сослать под начало в другой псковский монастырь. Матушка пишет: «Не хочу касаться вопроса, почему и за что, но не могу не высказать, что мне сильно жаль мать Таисию, что если она в чем и виновата, то отнюдь не по злонамеренности, а просто по

какому-либо недоразумению...» И далее: «Владыко Святый! Ваше правосудие всем известно! Я ни о чем не дерзаю просить Вас, ни о защите, ни о добром отзыве о ней <...>, прошу лишь об одной милости, посодействуйте, чтобы возвратили ее к нам, в ее родную обитель, к ее родной матери, возвратили бы ее никуда негодную, оскорбленную, забракованную! Родная обитель ее прострет ей свои любвеобильные объятия, и она вздохнет и выплачет свое горе у сердца плачущей о ней матери <...> Владыко Святый! Сотвори-те милость, конечно, если это возможно. Я очень скорблю <...> и пишу Вам это письмо буквально с рыданием...»

О дальнейшей судьбе игумении Таисии (Павловой) узнаем из Послужного списка Леушинского монастыря за 1922 год⁵. Из него известно, что хотя в 1911 году она была перемещена в число сестер Псковского Иоанно-Предтеченского монастыря, ей тогда же разрешили возвратиться в Леушинский монастырь. То есть ходатайство матушки Таисии не осталось без внимания.

Подобная история произошла и со следующей игуменией Воронцовского монастыря, тоже духовной дочерью матушки Таисии – Маргаритой (Носовой), помощницей игумении Антонины по возобновлению Черноезерской пустыни. В 1912 году по настоянию обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера она была направлена исполняющей обязанности настоятельницы Воронцовской обители. В письме от 20 октября 1912 года матушка Таисия пишет владыке о том, что господин обер-прокурор озабочен приисканием настоятельницы для Благовещенского Воронцовского монастыря и что сестры просят возвращения бывшей у них игумении Таисии (Павловой). Но он, обер-прокурор, не склонен к ее назначению, а просил вызвать к нему в Петербург телеграммой Маргариту. Матушка Таисия приложила письмо монахини Маргариты (Носовой), просившей у нее совета и наставлений после встречи с В. К. Саблером.

Однако в 1915 году определением Новгородской Духовной Консистории ее перевели в число сестер новгородского Ригодищенского монастыря. Это говорит о том, что положение в Воронцовском монастыре оказалось настолько непростым, что и игумения Маргарита не сумела его исправить. Спустя несколько лет ей все-таки удалось вернуться в Черноезерье. Уже после революции, в 1920 году, согласно представлению митрополита Арсения, по единогласному избранию сестер она была утверждена в должности настоятельницы Антониево-Черноезерской пустыни⁶.

Из устного предания, переданного протоиреем Валентином Парамоновым, уроженцем города Кириллова, в 1912 году и в Ферапонтовом монастыре случилось какое-то нестроение среди сестер, и некоторые из них вернулись в Леушинский монастырь. В их числе была и монахиня Мартиниана (Цветкова), ставшая впоследствии игуменией Ферапонтова монастыря после расстрелянной в 1918 году игуменнии Серафимы (Сулимовой). И ее, как и других «беглянок», приняла любвеобильная матушка Таисия, что подтверждают послужные списки Ферапонтова и Леушинского монастырей (правда, в них не указываются причины перемещений, произошедших в 1912 году).

Об одном таком перемещении говорится в письме игуменнии Таисии от 22 ноября 1912 года. Речь идет о ферапонтовской насельнице Анисье Сидоровой, которая в 1904 году была командирована из Леушинского монастыря в Ферапонтово. Матушка пишет: «P. S. Еще одной бы милости просила я Вас, Св. Владыко: разрешите остаться у нас ферапонтовской послушнице Анисье Сидоровой, не в силу какой-либо настойчивости с ее или моей стороны, а единственно в силу моего обещания ей, что когда она направит дело, то есть исполнит дело, для которого послана, я возьму ее обратно. Она беспорочно прослужила там 8 лет, и видно уж тяжело пришлось, если думать не может о возвращении в Ферапонтово. Лично могу я Вам объяснить все, а писать неудобно, но более ни за кого ходатайствовать не буду», — обещает матушка. Из Послужного списка Ферапонтова монастыря за 1912 год следует, что Анисья Сидорова была командирована в Ферапонтово для прохождения послушания регентши и уставщицы⁷. А в списке 1913 года она уже не числится, из чего можно понять, что ходатайство матушки Таисии возымело действие. В 1921 году Анисья приняла монашеский постриг в Леушинском монастыре с именем Симеоны (из Послужного списка Леушинского монастыря за 1922 год⁸).

Третья тема, которая нашла свое отражение в письмах игуменнии Таисии, — ее незабываемые встречи с царской семьей. Настоятельница Леушинского монастыря Таисия удостоивалась нескольких высочайших наград — портрета императора Николая Александровича с собственноручной его подписью в 1911 году и четок аметистовых в золотой оправе — к празднику Рождества Христова 1913 года. Семь раз матушка имела счастье быть лично представленной их императорским величествам, две из них упомянуты в ее письмах к владыке Арсению.

В письме за 1912 год она пишет владыке: «С благословения Вашего я упоминала Его Величеству о Черноезерской возрождающейся

пустыни и то потому, что пришлось к слову, когда он, любуясь книгою о Ферапонтовом монастыре, спросил меня: „Это уже последний монастырь вы восстановили?“ <...>, я и ответила, что уже после того, только в прошлом году летом мне поручил наш архиепископ Арсений восстановить эту пустынь с миссионерской целью, среди раскольнических скитов, изобилующей в той местности. На это он сказал: „Это тоже великое дело“, и стал расспрашивать меня о Черноезерье». И далее: «Приняли они меня как родную, и я удостоилась сидеть между царем и царицей <...> Когда я сказала после произнесения стихов, что не высказать никакими словами ту полноту чувств, которая [на]полняет мою душу, то есть чувств преданности, любви, что они не поддаются выражению, то он ответил: „Вы, матушка, уже доказали и доказываете своим усердием и ревностью по Бозе на пользу Св[ятой] Церкви – это лучшее доказательство преданности, и для нас не может быть ничто дороже этого; если бы каждый относился к порученному ему делу с таким усердием, то хорошо было бы“».

В письме от 4 августа (1913 года) игуменья Таисия описывает еще один царский прием, по-видимому, последний. Эту незабываемую встречу разделили вместе с ней 10 сестер Леушинского монастыря, которые участвовали в вышивании стяга для наследника – цесаревича Алексия (письмо № 17).

Письма игуменнии Таисии печатаются в хронологическом порядке, по правилам современной орфографии и пунктуации. Недописанные части слов воспроизводятся в квадратных скобках. Сохранено авторское оформление писем и авторский стиль.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРФ, ф. 550, оп. 1, д. 453.

2. Имеется ввиду Иоанн Кронштадтский – духовный отец матушки Таисии. В Леушинском монастыре хранились некоторые из вещей, принадлежавших ему, в их числе епитрахиль, которую, по завещанию игуменнии Таисии, клали ей на голову при ее кончине.

3. ГАВО, ф. 1067, оп. 1, д. 526.

4. См.: На духовной страде. Обозрение высокопреосвященнейшим Арсением церковей Боровичского, Устюженского и Череповецкого уездов по пути следования на торжество восстановления церковного почитания св. преподобномученика Евфросина, 29 июня. Новгород, 1913.

5. ГАВО, ф. 1129, оп. 1, д. 2, л. 3–4.

6. Из Послужного списка Антониево-Черноезерского монастыря за 1921 год (ГАВО, ф. 1067, оп. 1, д. 526).

7. РГАДА, ф. 1441, оп. 3, д. 2560.

8. ГАВО, ф. 1129, оп. 1, д. 2.

Письмо № 1

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь и Отец!

Простите, что осмеливаюсь утруждать Вас этими строками, но считаю непременно своею обязанностию повергнуть пред Вами мою искреннюю сердечную благодарность за полученную мною, не иначе, как чрез Ваше посредство, великую честь дарованием мне портрета с собственноручным подписом обожаемого нашего Монарха. Спаси Вас, Господи, Владыко Святой, за Ваше милостивое внимание к моим тридцатилетним трудам¹, каковые я хотя и сознаю и чувствую их тяготение на своих старческих утружденных плечах, но Бог видит, что в заслугу себе их не поставляю, ибо всегда помню слово Спасителя: «Аще сотворите и вся повеленная вам, глаголите яко... еже должны быхом сотворити, – сотворихом». И еще то слово апостольское, что «несмы довольни помыслити что доброе, яко от себе, но довольство наше от Бога», а не тем ли более совершить что-либо доброе особенно в последние годы моих старческих немощей. Поверьте, Владыко Святой, что слова эти исходят из глубины души, а не звук лишь один, это – самосознательная исповедь, произносимая пред своим любимым Архипастырем. Сознаюсь и в том, что принимаю награды не без утешения главным образом потому, что в них проявляется дорогое, думаю, для всякого подчиненного доброе внимание начальства.

Поэтому еще раз прошу Вас, бесценный, многолюбимый наш Владыко, примите мою искреннюю признательность с земным поклонением Вам за Ваше милостивое внимание ко мне – недостойной, убогой, но крепко преданной Вам, Вашего Высокопреосвященства нижайшей игумении Таисии

[1911 год]

1. Игуменья Таисия была назначена в Леушинскую общину в 1881 году.

Письмо № 2

Ваше Высокопреосвященство, милостивый наш Архипастырь и Отец!

Простите меня ради Господа, что я беру на себя смелость утруждать Вас этим частным письмом при множестве Ваших официальных дел и трудов! Но я не нахожу другого пути к решению вопроса, с которым хочу обратиться к Вам; писать сряду форменное прошение я не решаюсь потому, что недоумеваю, каков будет Ваш взгляд на мою затею. Если Вы не одобрите ее, то, конечно, и следует оставить ее без внимания. Итак, чтобы не утомить Ваше внимание, приступаю прямо к изложению дела:

До меня дошли слухи чрез Воронцовское подворье о том, что игумению Воронцовского Благовещенского монастыря Таисию¹ решено сослать под начал (все по делу иоаннитов); не хочу касаться вопроса, почему и за что, но не могу не высказать, что мне сильно жаль мать Таисию, что если она в чем и виновата, то отнюдь не по злонамеренности, а просто по какому-либо недоразумению и тем более по бесхарактерности, чем всегда пользовалась злонамеренная и честолюбивая заведующая подворьем Алексия, но не касаюсь и ее. Одно только мое желание, если только Вы, Владыко Святой, не возымеете к тому препятствий и посодействуете мне в этом, чтобы вместо отправки ее под начал в какой-либо отдаленный монастырь препроводили бы ее к нам, в число сестер, в ее прежний монастырь, где она всегда была любима и уважаема, как образцово кроткая и дельная монахиня. Ведь она не преступница, а просто жертва интриги пожелавших занять ее место. Сама мать Таисия говорила мне с горячими слезами, что она с радостью вернулась бы к нам, стряхнув с себя многмятежное и многоскорбное иго управления малым, бедным и многострадальным монастырем. Сначала интриговала против нее Понюшева (бывшая казначея), затем Терентьева, а за последнее время Алексия, — тут и стойкому человеку придется невольно, не только такой слабохарактерной и малоразвитой.

Владыко Святой! Ваше правосудие всем известно! Я ни о чем не дерзаю просить Вас, ни о защите, ни о добром отзыве о ней, потому что не знаю, удобно ли все это; прошу лишь об одной милости, посодействуйте, чтобы возвратили ее к нам, в ее родную обитель, к ее родной матери, возвратили бы ее никуда негодную,

оскорбленную, забракованную! Родная обитель ее прострет ей свои любвеобильные объятия, и она вздохнет и выплачет свое горе у сердца плачущей о ней ее матери.

Владыко Святый! Сотворите милость, конечно, если это возможно. Я очень скорблю, мне слишком жаль, и пишу Вам это письмо буквально с рыданием, прерывающим диктуемые слова; конечно, да будет воля Господня, но ведь терпеть-то трудно, особенно безвинным, ведь с ее слабохарактерностью не мудрено впасть и в отчаяние.

Владыко Святый! Простите и меня-то грешную, что я решилась Вас беспокоить, но и к кому же мне прибегнуть, как не к Вам, дорогой, правосудный отец наш. Простите меня грешную, простите.

Вашего Высокопреосвященства милостивейшего Архипастыря
и Отца нижайшая послушница игумения Таисия.

P. S. Как бы мне известиться о том, надлежит ли мне писать форменное прошение на имя Ваше или нет; я никому не писала об этом, ни самой матери Таисии, потому что не знаю, где она, в Воронцове ли или где.

1911-го года. Мар[та] 9-го дня

1. Из Послужного списка Леушинского монастыря за 1922 год: Игумения Таисия (Павлова), 72-х лет, дочь Федора Никифоровича Павлова, из крестьян дер. Плюскина Димитровской вол. Череповецкого уезда Новгородской губ. (в 1922 году Череповецкая губ.). Поступила в Леушинский монастырь в 1875 году, в 1881-м определена в число послушниц, в 1886-м назначена казначеей монастыря, в 1889-м назначена настоятельницей Благовещенской общины с. Воронцово Псковской губ. Холмского уезда. В 1892 году приняла постриг, в 1903-м поставлена игуменией. В 1911 году перемещена в число сестер Псковского Иоанно-Предтеченского монастыря. Тогда же разрешено возвратиться в Леушинский монастырь (ГАВО, ф. 1129, оп. 1, д. 2, л. 3-4).

Письмо № 3

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший наш Архипастырь и Отец!

Я уже имела честь благодарить Вас за Ваше дорогое для меня письмо в ответ на мои вопросы относительно Воронцовской игумении Таисии. Я, на основании его, не только написала ей письмо,

но и составила оба прошения, как к Вашему Высокопреосвященству, так и к псковскому епископу. Послала же ей только письмо, и то с попутчицей, ехавшей туда, прошения же из осторожности удержала, так как в этот период дошли до нас слухи, что она уже оправдана на основании прошения за нее сестер и других лиц. Не знаю, чему и верить, поэтому не смею сообщить Вам что-либо определенное, буду ждать ответа на мое письмо от самой и[гумении] Таисии, и как только получу что-либо положительное, прежде всего сочту долгом уведомить Ваше Высокопреосвященство. Ей же, если понадобится, пошлю прошения для подписи и для отправки их по назначению.

Смею известить Ваше Высокопреосвященство, что в воскресенье, 20-го [марта], у нас был миссионер о. архимандрит Варсонофий по делу устройства миссионерской общины в селе Черноречье. Благодарю Вас, Святый Владыко, за Ваше высокое для меня доверие, которое хотелось бы оправдать, насколько позволят мои старческие силы, но ведь Богу обычно «честное от недостойного», особенно за Ваши архипастырские молитвы и благословение. Ответ ему мой на словах он просил меня изложить письменно, что я и сделала; теперь, думаю, он известен и Вам, поэтому я не смею Вас беспокоить отдельным сообщением.

В обители нашей все благополучно, по обычаю мирно и тихо. Сегодня, в день нашего храмового праздника Похвалы Богородицы, при соборном служении причта был совершен подъем колокола, на каковой приехали и сами жертвователи – родители самоубийцы Владимира, о чем я имела честь Вам сообщить лично.

Поручаю себя Вашим св[ятым] молитвам и благословению и имею честь пребывать навсегда всепокорнейшею послушницею Вашего Высокопреосвященства убогая старица Игумения Таисия.

Р. С. Владыко Святый, посмею ли я открыть перед Вами мою великую скорбь и просить Вас [о] милостивой и, думаю, справедливой помощи.

Никак не ожидала я, что Петербургская Консистория откажет мне не только в награде старосты, но даже и в утверждении его старостою на том только основании, что будто бы «для женских монастырей и подворий не полагается старосты», а между тем во всех подворьях имеются старосты, как Вам известно, при Воронцовском, при Бежецком и друг[их], и даже при их Ивановском женском монастыре, где лично мне знакомый – г[осподин] Раменский,

пожертвовавший и самую землю под монастырь по моей просьбе ради батюшки о. Иоанна.

Умоляю Вас, Владыко, утвердите Вы нам старосту своею собственною властью, так как это в Вашей епархии и Вы властны в ней. Если нужно подать об этом прошение, то потрудитесь только сообщить через монахиню, вызванную Вами, хотя по телефону, с подворья, чтобы не утруждать Вам себя писанием. Думаю, Петербург[ской] Консistorии досадно, что такой жертвователь не для их церкви, а для иноепархиальной. Простите, Святейший Владыко, что утруждаю Вас, но я опасюсь, чтобы староста¹ не счел невниманием с моей стороны и не оставил бы наше подворье, то есть не лишил бы его своей помощи.

27 марта [1911 года]

1. Старостой Леушинского подворья в С.-Петербурге был купец А. Ф. Макаров.

Письмо № 4

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший наш Архипастырь и Отец!

Прошу Ваших св[ятых] молитв и благословения, а равно и прощения в том, что осмеливаюсь беспокоить Вас при официальной бумаге этим частным письмом. Делаю это, чтобы оправдаться перед Вами в том, что так долго не исполняла Вашего поручения о присылке этой бумаги, что случилось по той причине, что вчера лишь, то есть в Лазареву субботу, получила от архимандрита Варсонофия¹ письмо с предписанием послать Вам ее.

Еще просила бы я Вашего разрешения съездить по открытию навигации в Черноезеро, чтобы самой лично ознакомиться с местностью, с ее обывателями, — как они смотрят на устройство обители, и из сего сообразить, насколько можно рассчитывать на материальную от них поддержку обители в будущем, и главное, в содействии их постройкам дешевым, если не совсем бесплатным даянием леса, или доставлением матерьялов, как-то: глины, хрящу [?] берегового, извести и проч[его]. Первые два предмета весьма близко, около 2-х верст, и если будет их помощь, она значительно удешевит постройку. Но для этого надо пользоваться временем: от самого начала весны до середины июня, когда уже начнется сенокосное время, когда уже для мужичка недоступна никакая сторон-

няя работа, и это много значит. По-моему, сряду же бы надо нанимать их заготавливать матерьял, тогда к Вашему приезду, в июне месяце, можно бы подготовить каменный фундамент, на коем сами Вы, наш Великий Архипастырь, и совершили бы закладку, положив первый краеугольный камень. Сама не знаю почему, так рвется моя душа на это святое дело.

Вы, Владыко Святый, надеюсь, разрешите мне приехать в Петербург в начале мая, к нашему храмовому празднику 8-го числа, каковой день нам всем хочется просить Ваше Высокопреосвященство почтить своим служением. Прибыв около 1-го мая, я буду иметь возможность, отдохнув денек-другой с дороги, явиться к Вашему Высокопреосвященству и лично просить Вас о служении 8-го мая, а равно и доложить Вам, что найду в Черноезере.

Еще, Владыко Святый, вверенный мне Леушинский монастырь имеет в городе Череповце, кроме того места, на котором стоит его подворье с церковью, еще другое, совершенно на противоположной стороне; место это будет со временем весьма населенное, потому что оно близко к дамбе на реке Ягорбе, впадающей в Шексну, которой судоходство она связывает с товарной железнодорожной станцией. Оно нашему монастырю, конечно, сулит деньги в будущем, — но в настоящее время стоит пустопорожнее, потому что строить на нем дом без цели — не стоит затраты, а связываться с мирскими жильцами я что-то избегаю. А второе подворье содержать мне не под силу. Вероятно, Вам говорил о. Варсонофий, что, если бы Вы соблаговолили, то я готова бы пожертвовать его в пользу будущей Черноезерской обители. Там можно бы построить дом, хотя бы деревянный, с большим залом для миссионерских собеседований внизу и с церковью наверху. Место это хотя по лицу малое, около 7-ми сажень, зато вглубь — 30 саж[ен] (по старинному межеванию участков). Конечно, все это будет зависеть от взглядов и воли Вашего Высокопреосвященства, я же только руковожусь желанием и усердием сделать что-либо во славу Божию. А что может быть выше миссионерского служения?

Еще раз извиняюсь, что беспокою Ваше Высокопреосвященство, поручаю себя и всю обитель нашу Вашим св[ятым] молитвам.

Вашего Высокопреосвященства нижайшая послушница
игумения Таисия

Апреля 3-го дня 1911 года

1. Архимандрит Варсонофий (Лебедев) – новгородский миссионер (1894–1916), насельник монастыря прп. Антония Римлянина. С января 1917 года епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии. Расстрелян карателями 2/15 сентября 1918 года в предместьях г. Кириллова вместе с игуменией Ферапонтова монастыря Серафимой (Сулимовой) и четырьмя мирянами. Юбилейным Архиерейским собором 2000 года все шестеро причислены к лику святых для общецерковного почитания.

Письмо № 5

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший наш Архипастырь и Отец!

Простите мне, что снова дерзаю утруждать Вас, но, зная Ваше искреннее участие к новоустроваемой Черноезерской обители, хочется сообщить Вам несколько утешительных известий о ее первоначальном устройении.

Приехав из Петербурга, я тотчас же поручила монахине Антонине¹ съездить в Черноезерскую пустынь как для обозрения местности, так и для соображения о первоначальном устройстве. Между прочим, я сказала, что удобнее было бы приискать готовый дом, в виду необходимости в нем поселиться хотя бы к осени как в сухом, а вновь построенный будет слишком сыр. И вот они присмотрели не один домик, но не дешевые, стоимостью около 1000 рубл[ей]; конечно, мы сперва отчаялись приобрести его, но вот Бог послал благодетельницу, которая не только дает нужную сумму, но и перевоз этого дома ускоряет, чтобы к Петрову дню, то есть к началу сенокоса, уже он был бы поставлен. Мужички же местные, православные, берутся бесплатно перевезти его. Я не знаю, как и Господа благодарить за такие Его милости, – видно, пришло время восстановиться этой пустыни. Не напрасно сказано: «сердце Царево в руках Божиих», и он сам управляет им; так и Вам, Владыко Святой, Он вдохнул в сердце свою святую волю о восстановлении древней обители. Я просила похлопотать о скорейшей перевозке дома, чтобы Ваше Высокопреосвященство, увидев его, хотя в груди, указали бы место постановки его, – пусть будет все с Вашего святительского благословения.

Когда мы приехали из Петербурга, то оказалось, что о[тец] наблюдатель, прот[оиерей] Приоров², уже произвел экзамены во всей той местности, равно и в Черноезерье, и получил уже указ об осво-

бождении школьного здания, что и исполнено. Теперь в нем поселяются наши сестры, хотя оно оказалось очень плохим. Для начальной жизни мною туда все послано, и мебель, и необходимая провизия, на днях пошлю коровушку и проч[ее] нужное, также и по ризнице.

Мы не могли удовлетворить, Владыко Святый, Ваших вопросов относительно канонизации препод[обного] Антония. Но у себя, в своей собственной библиотеке, я нашла об этом, и вот, в отдельных выписках, осмеливаюсь препроводить Вашему Высокопреосвященству с изображением препод[обного] Антония, скопированным в книге преосв[ященного] Филарета Гумилевского³.

Меня тревожит вопрос о том, получили ли Вы, Св[ятый] Владыко, ответ о министерском пароходе; на пассажирском (общем) пароходе Вам ехать было бы слишком беспокоино. Разумею, пароход не от Череповца к нам, а от нас, в дальнейшее путешествие, так как первый давно уже приготовлен и к часу Вашего приезда будет Вас ожидать 4-го июня (если не последует изменения). Предвкушаем радость Вашего посещения смиренной, пустынной обители нашей!

Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего Архипастыря
и Отца нижайшая послушница игумения Таисия
19-го мая 1911 года

1. Монахиня Антонина – первая настоятельница Антониево-Черноезерской пустыни, игумения. Умерла после 1917 года (более подробными данными не располагаем).

2. Евлампий Николаевич Приоров – настоятель Воскресенского собора в Череповце (1888–1915), с января 1889-го председатель уездного отделения Епархиального училищного совета. 21 февраля 1915 года назначен заведующим Леушинской церковно-приходской школой. (См.: *Галкин А.* Наследие Череповецкого монастыря. – «София», 1998, № 3, с. 34).

3. Из «Выписа», содержащего краткие сведения о Черноезерском монастыре (л. 7): «В бывшем Богородичном монастыре, на берегу Черного озера Череповецкого уезда, почивают под спудом мощи преп. Антония Черноезерского, основателя пустыни. Подвиги его и их время неизвестны, но вероятно, они принадлежали 16 веку. Местная память его чтится 17 января». «Кто был Антоний, из какого звания, когда и по чьему дозволению устроил пустынь – неизвестно. Церковь в оной построена во имя Рождества Богородицы, деревянная. Мощи преподобного почивают под спудом в часовне. Местная память ему творится 17 января».

Письмо № 6

Ваше Высокопреосвященство, благоднейший наш Архипастырь и Отец!

Простите великодушно, что беру на себя смелость еще раз беспокоить Вас своим письмом, но считаю необходимым выяснить перед Вами подробно те условия с жизненной стороны, о которых я, по моему мнению, должна озаботиться по отношению к просителю Черноезерского места священнику о. Симону Витвицкому.

Сейчас, вечером, накануне утра моего отъезда, он зашел ко мне с вестию о том, что не может успокоиться при мысли об отказе от Черноезерского места, и я сочла необходимым поговорить с ним откровенно и выяснить все неприглядные условия Черноезерского места, а с другой стороны, все, чем бы я могла послужить ему в облегчении этой неприглядности:

1) Вопрос о помещении: думаю арендовать для него на первый год домик в дер[евне] Анисимовке, конечно, приличный; ведь это лишь 1½ версты, и мы всегда можем посылать за ним лошадь для совершения богослужения, на что он совершенно согласен, так как и в городах священники живут не при церкви же, а тоже должны приходить или приезжать.

2) При нем могут жить его супруга и трое младших детей, еще не школьного возраста, а трем старшим, готовящимся поступить на будущий год в Епархиальное училище, для чего и держит он у себя учительницу, репетирующую их. Могу предложить в своем Леушинском монастыре целый небольшой домик, в котором по летам живут дачники, но он теплый, зимний, с кухней и всеми приспособлениями, стоящий зимою заколоченным, потому что в нем зимою нет нужды. Содержать их четырех монастырь не может тяготиться, тем более лишь временно (до будущего лета), когда они, вероятно, уедут все на каникулы, а если и останутся, то в августе, вероятно, поступят в нашу Учительскую школу своекоштными воспитанниками, так как он обещается за них платить, говоря, что это для него не только не обременительно, но выгодно, ибо в Киев[ском] Епарх[иальном] училище плата за каждую девочку 200 руб., да и то кроме белья, а у нас лишь 85 руб. за девочку дух[овного] звания и все готовое. Кроме каникул никуда не придется выезжать.

Тем временем мы, конечно, будем заботиться о постройке дома для причта, так как со временем понадобится и второй священник, по общему правилу монастырей.

Очевидно, что весь этот мой проект, относительно и детей и квартир, совершится лишь при Вашем его одобрении и благословении, и решаюсь я на все эти услуги, имея лишь в виду пользу Черноезерской обители и всего тамошнего староверского населения от такого глубоко благоговейного и деятельного священника, что сряду возвысит в глазах старообрядцев понятие о православном священнике, особенно после о. Богоявленского.

Не считите, Владыко Святой, что я настаиваю на просьбе об определении этого священника, я только пишу свое мнение и свой проект, а все предоставляю всецело Вашему усмотрению.

Дело у нас, Святой Владыко, идет, хотя, может быть, и медленно, но всесторонне, дружно подвигается. Архитектор Романов¹ уже уехал в Черноезерье для осмотра местности и грунта земли, обещается к февралю составить план храма Вам на рассмотрение, и на утверждение Строительного Устава, чтобы ранней весной начать уже постройку, по крайней мере забутить, чтобы, когда Вы освободитесь весной из Петербурга, в Вашем бы присутствии совершить закладку по насланному уже фундаменту. О! дабы все так совершилось! Верую, что за Ваши Святительские молитвы и совершится, и благословится все дело сие и мы, грешные труженицы.

Вашего Высокопреосвященства смиренные послушницы,
игум[ения] Таисия с сестрами
9-го октября 1911 г[ода]

1. Романов Константин Константинович (1882–1942) – архитектор-реставратор, один из авторов восстановления зданий Ферапонтова монастыря.

Письмо № 7

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший наш Архипастыр и Отец!

Простите ради Господа, что осмеливаюсь утруждать Вас этим частным письмом, несмотря на то, что имела счастье в Петербурге лично беседовать с Вами.

Дело в след[ующем]. Во время пребывания Вашего Высокопреосвященства на подворье нашем вместе с г[осподином] синодальным обер-прокурором, Он высказал, что вопрос о восстановлении Черноезерского монастыря уже утвержден, и по всей вероятности, к Рождественским праздникам Вы получите бумаги. Надеюсь, то

есть предполагаю, что, получив утверждение, Вы, Ваше Высокопреосвященство, не замедлите сделать распоряжение о принятии монастырем церкви, документов, приходо-расходных книг и неприкосновенного капитала, если таковой окажется, и вообще всего, как доводилось мне принимать Ферапонтов монастырь. Но тогда были командированы оба благочинные, и со стороны причта местный благочинный и со стороны монастыря – монастырский. Но ввиду того, что монастырь Черноезерский еще не имеет благочинного, то ко времени принятия церкви монастырем, если Вы дотоле не усмотрите нужным назначить благочинного, то все-таки нужно бы назначить кого-либо вроде благочинного, который мог бы заменить такового в деле приемки церкви и имущества со стороны монастыря. Наш Леушинский о[тец] благочинный, архим[андрит] Тихвинского Большого монастыря, не высказывал никакой претензии по поводу поручения ему производства страховых оценок, для чего должен был приехать в Черноезерье, куда дорога ему понравилась, или, как он высказал: «Совсем не так страшно, как я воображал». Конечно, Ваше Высокопреосвященство, я этим не имею и в мыслях указать о[тца] архимандрита как благочинного, это дело всецело Вашего Высокопреосвященства, но хочу только сказать, что для него это не представит большого затруднения, особенно путем из Череповца, куда [он] приезжает по делам нашего благочиния.

Если правда, что указ о восстановлении монастыря получится до праздников или на праздниках, то будет вполне своевременно пригласить о. архимандрита на служение 17-го января как день престольного праздника, тут же совпадет и пострижение, а за день или за два можно будет сделать и приемку церкви.

Простите, Владыка Святый, что утруждаю Вас своими проектами, но необходимо нам озаботиться своевременно и как поудобнее; а суть-то дела, конечно, всецело зависит от Вашего мудрого Архипастырского усмотрения. Очевидно, лучше бы всего было, кабы приехали бы Вы сами, наш дорогой и родной Отец, которого все мы любим по-детски простой, искренней душой, но об этом мы и мечтать не смеем; дай Бог, чтобы летом-то Вы пожаловали на закладку нового храма. О, какое тогда будет счастье! А пока просим Вашего Архипастырского благословения заочно.

Вашего Высокопреосвященства нижайшая послушница
игум[ения] Таисия

Р. С. Простите, Владыка Святый, забыла сообщить Вам: Черноезерский церковный староста доживает в своей должности последний месяц и должен быть заменен другим. Если не будет передана к этому времени церковь с ее имуществом монастырю, то само собою по обычаю сельских причтов будет выбран другой староста, тем более, что и священник-то заштатный, да и старосты не будет, — значит, и церковь без хозяина, и мужички прихожане об этом скорбят и понуждают монастырь о скорейшем принятии церкви, так что и с этой стороны поспешность необходима.

1911 года Декабря 13-го дня

Письмо № 8

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко и Отец!

Много радостей доставила мне Ваша милостивая телеграмма, благословляющая нас на «Новолетие». Как будто легче стало на душе, а то мы ныне совсем праздников-то не видали за моею упорною болезнию, начавшеюся еще с самых первых чисел декабря, если Вы помните, что, когда Вы изволили быть у нас с В. К. Саблером¹, я уже говорила шепотом и сильно кашляла. И эти, по-видимому, незначительные задатки болезни возросли до сильнейшего страдания при «катаральном воспалении части правого легкого и полном воспалении легочной плевы», так определил приезжавший вчера из Череповца доктор, принятый мною лишь по настоянию сестер для их успокоения, а иначе я бы ни за что не пригласила доктора, ибо привыкла, чтобы мой старческий выносливый организм перерабатывал бы сам, что он сделал и ныне: без всякой медицинской помощи, без лекарств я вынесла эту болезнь, от которой уже начинаю поправляться. Когда был перелом этой болезни к лучшему, я не знаю, только канун и первые 3 дня праздника Рождества Христова были самые тяжелые, и я почти ничего не сознавала. Теперь хотя занимаюсь делами и начинаю понемножку диктовать ответы.

Вот, Владыко Святый, простите, что и Вас начинаю утруждать по поводу нашего недоразумения относительно Черноезерья.

Я получила указ с резолюциею Вашего Высокопреосвященства о разрешении пострижения указной послушницы Анны Петуховой² в день 17-го января как день памяти преп[одобного] Антония, с наречением ей его имени, так как в настоящее время она перешла

в Черноезере для послушания регентши. Все это было проектировано мною, одобрено Вами на основании слов обер-прокурора, что к праздникам Р[ождества] Х[ристов]а и Черноезерская обитель будет праздновать свое восстановление, для чего, конечно, предварительно придется принять церковь и ввести монастырь в свои права, и совместно с этим, как бы в ознаменование восстановления обители, и совершить первое пострижение, которое само по себе будет как бы продолжением старинного монашества. В[ладимир] К[арлович] говорил ведь это, то есть о состоявшемся постановлении возобновить обитель при Вашем Высокопреосвященстве, но после я уже его не видала, и последовало ли это утверждение, мне неизвестно, так как бумаги должны придти к Вам, и Вам прежде всех должно быть известно.

Если постановление состоялось, и бумаги получены или вскоре получатся, то, конечно, время еще не ушло; распоряжение Вашего Высокопреосвященства о приеме церкви может быть исполнено немедленно, хотя бы за день до праздника или раньше, когда прикажете, а затем, в ознаменование восстановления обители совершить постриг именно 17-го, как день памяти Преподобного, на который стекается много староверов, в противовес скитам и кельям которых и совершается это пострижение, на что они указывают, что «какой, мол, монастырь без пострижения в монашество».

Не знаю, Владыка Святой, довольно ли ясно я изложила свою мысль, иначе не умею. Или: следует ли постригать Петухову прежде принятия церкви или (что то же) восстановления монастыря? Вот на этот пункт, прошу Вас, ускорите ответом, Ваше Высокопреосвященство, хотя бы телеграммой. Ведь, в сущности время не много, а надо приготовить все для пострижения, и для постригателей помещение и все. Вероятно, и для приема Церкви Вы командируете кого-нибудь; наш о[тец] благочинный, слышав наши проекты, пишет мне, что так как он по обычаю Благочиния должен около 10-го ехать по своему благочинию, то надо ему иметь в соображении, что если что-либо последует о Черноезере, то так и направлять свои обозрения, а может быть, для принятия церкви Вам благоугодно будет назначить о[тца] Приорова, принимавшего землю. Но во всяком случае для пострижения надо иеромонаха, какового может иметь в лице своего духовника, если не пожелаете о[тца] архимандрита.

Простите, Владыко Святой! Много утрудила я Вас, да и сама немало утомилась, уже мысль перестает работать, простите ради

Господа и благословите меня, и убогую, и болящую труженицу послушницу Вашего Высокопреосвященства

Леушинскую игумению Таисию.

5-е янв[аря] 1912 г[ода]

1. Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1847–1929) – статс-секретарь, сенатор, камергер, член Государственного Совета (1905), товарищ обер-прокурора Святейшего Синода (1892–1905), обер-прокурор (1911–1915).

2. Петухова Анна Федоровна (в монашестве Антония), 1872 года рождения, из крестьян Череповецкого уезда. Поступила в Леушинский монастырь в 1883-м, в 1906-м определена послушницей. Несла послушание регентши на Леушинском подворье в Череповце. В 1911 году по предложению возобновительницы Черноезерской пустыни игумении Таисии перемещена в Черноезерскую пустынь. Приняла постриг в 1921-м, несла послушание казначеи Антониево-Черноезерской пустыни (из Послужного списка Антониево-Черноезерской пустыни за 1921 год (ГАВО, ф. 1067, оп. 1, д. 526, л. 5).

Письмо № 9

Ваше Высокопреосвященство, блаженнейший наш Архипастыр и Отец!

Простите ради Господа, что опять беспокою Вас своим письмом, но ведь сами изволите видеть – не о себе забочусь, а об новой Черноезерской обители; кажется, только гробовая доска, на краю которой я уже находилась, сильна будет пресечь эти заботы. Написав Вам на этих днях письмо, я успокоилась было, возложив все на волю Божию и Вашу, но вот неожиданно приехала из Черноезерья м[ать] Маргарита¹, посланная Антониною просить моего совета о деле, писать о котором слишком продолжительно, да и не нужно, так как Маргарита на словах обскажет Вам все подробнее и обстоятельнее. Узнав суть дела, Вы Сами, Святый Владыко, уразумеете, что упустить такой случай – уж после подобного не найдешь, а между тем предлагаемая усадьба имеет служить навсегда обеспечением Черноезерской обители. Конечно, Владыко Святый, надежда только на Вас, что Вы изыщите и укажете средства, тем более на таких льготных условиях, о которых тоже лично передаст Вам Маргарита.

Владыко Святый! Не оставьте, ради Господа, окажите своевременную помощь! Не может ли хоть на первый год, то есть на

уплату первых 2-х тысяч, помочь Новгородский Архиерейский дом, подобно тому, как чрез Преосвященного Гурия² помог он вначале Ферапонтову монастырю, выдавая ежегодно в течение 3-х лет по две тысячи. Впрочем, Ваше Высокопреосвященство, возвращаю все на Ваше Архипастырское усмотрение – Ваша обитель и Ваша воля да будет во всем, а наше дело только заботиться по послушанию.

Простите нас грешных, Владыко Святой, и не прогневайтесь за то, что утруждаем, но ведь к кому же обратиться детям, как не к Отцу.

Сегодня первый день, как я встала с постели, с которой поднял меня Господь за Ваши св[ятые] молитвы.

Убогая послушница Вашего Высокопреосвященства
игумения Таисия
8-го января 1912 г[ода]

1. Монахиня Маргарита (Носова Мария Андреевна), 1870 года рождения, из крестьянского сословия, грамоте обучалась в министерской школе в Москве и получила аттестат с правом чертежницы и помощницы архитектора. В 1884 году поступила в Леушинский монастырь, в 1907-м определена в число послушниц. 23.11.1908 духовником игуменом Иларионом Нило-Сорской пустыни пострижена в монашество. В 1911-м командирована с монахиней Антониной во вновь открывшуюся Антониево-Черноезерскую пустынь, заведовала возводимыми постройками и была казначеей обители. В 1912 году назначена Св. Синодом исполняющей дела настоятельницы Благовещенского Воронцовского монастыря Псковской епархии, в 1913-м утверждена в должности, возведена в сан игумении преосвященным Евсеем, епископом Псковским. В 1915 году поселена в число сестер Ригодищенского монастыря. В 1920-м указом Св. Синода, согласно представлению митрополита Арсения по единогласному выбору сестер утверждена в должности настоятельницы Антониево-Черноезерской пустыни (из Послужного списка Антонино-Черноезерского монастыря за 1921 год. – ГАВО, ф. 1067, оп. 1, д. 526).

2. Гурий (Охотин, 1828–1912), архиепископ Новгородский и Старорусский в 1900–1910 годах.

Письмо № 10

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь и Отец!

Простите меня за причиняемое Вам беспокойство, но, по данному Вами мне благословиению, я собрала по возможности все све-

дения о готовности в здешних краях для приема Вашего Высокопреосвященства – дорогого вождя нашего гостя.

Прежде всего препровождаю Вам расписание прибытия поездов из Петербурга (след[ующих] и из Бабаево) и обратно – из Вологды: это послужит для Ваших соображений.

Относительно закладки у Матери Руфины¹ – все готово, и она с великою радостью будет ожидать Вас, когда Вы соблаговолите осчастливить нас своим посещением.

В Черноезерье же закладка состояться может, но всего бута, под всю церковь, приготовить не успеть к Вашему приезду, что, впрочем, по мнению моему, ничего не значит. По крайней мере будем иметь счастье, что закладка совершена Вами, иначе пришлось бы снова беспокоить Вас на будущий год, уже не проездом так близко к Череповцу, а нарочно, что было бы для Вас затруднительнее. Да и Бог знает, что еще будет на будущий год? Я, старица, навряд ли доживу, а как бы мне хотелось, чтобы Вы, дорогой и многлюбимый Владыко, увидели бы воочию плоды моих усердных самоотверженных трудов по Черноезерью. Это было бы для меня лучшим и самым приятным воздаянием, и умирать-то было бы легко при сознании, что исполнила все, по благословению своего Архипастыря.

Конечно, еще многого бы остается желать, но ведь только год возникновения этой обители. Да и кроме того многое бы что надлежало видеть Вам самим и порешить, так как Вашего решения не посмеет нарушить о. Алексей, как, напр[имер], дело об отведении кладбища. О. Алексей² возмущает крестьян, чтобы они не решались на новое место, между тем как старое кладбище переполнено и хоронят друг на друга, а тут же и храм надо строить, – вообще, мне кажется, если он не будет удален хотя бы на время, много зла он причинит и монастырю и новому батюшке. Вот, Бог даст, приедете, Владыко Святой, сами все увидите, и как Ангел Новгородской Церкви всем преподадите мир.

Убедительно просила бы я Ваше Высокопреосвященство до отъезда Вашего в Валдай, или вообще как можно скорее, хотя бы телеграммою, назначьте, во имя кого воздвигнется новый храм Черноезерский³. Это необходимо нам знать заранее для того, чтобы заказать дщицу под престол при закладке, так как на ней должна быть надпись, во имя кого храм. Мы с М[атерью] Антониной думали бы или во имя Казанской Божией Матери, местно чтимой, или же во имя Святой Троицы; но для нас будет гораздо приятнее,

если решите это Вы, и мы примем это как от воли Божией, ибо «сердце Царево в руце Божией».

Как изволите видеть, Владыко, из препровождаемых на Ваше имя бумаг, находятся благодетели для М[атери] Антонины, желающие выстроить для Черноезерья в Череповце часовенку и домик. Слава Богу, может быть хоть маленькая помощь будет им, большой-то, конечно, нельзя ожидать от черепанов⁴, но и за то слава Богу! А что касается денег, о которых пишет г[осподин] Даманский, что они будут отпущены для Черноезерья в самом непродолжительном времени, то это те деньги, о которых я много раз просила г[осподи]на прокурора. И вот, последний раз, когда он посетил меня в Петерб[урге], я опять повторила ему, что Черноезерью жить нечем, он сказал мне: «Пишите прошение на имя Государя, а я поеду на торжества в Москву и доложу ему об отпуске 2000 руб.». Но я наотрез отказалась просить Его Величество, тем более что и Вы уже уехали после 26-го в Новгород, и сказала, что я напишу прошение на его имя, не указывая источников, что и исполнила. Что последовало далее — я не знаю, а вот г[осподи]н Даманский принес мне от него ответ, который я Вам и показывала чрез заведующую м[ать] Серафиму. Дай Господи, чтобы это все поскорее исполнилось!

Капитан казенного парохода, на котором мы с Вами ездили в Черноезерье, г[осподи]н Маньковский подарил Черноезерью эту самую «рубку» с парохода, в которой мы сидели (по случаю постановки другой), она очень бы пригодилась им для часовни (конечно, с перекрытием крыши куполообразно) на пристань для пароходов. Может быть, и тут бы был маленький доходишко, только горе, что пароходы проходят все ночью; как устроишь, а доходу-то и не будет.

Но да будет во всем воля Божия и Ваше Святительское благословение, которому всецело предаемся.

Вашего Высокопреосвященства нижайшая послушница
игумения Таисия.

Р. S. Ради Бога, Владыко, ускорите решение, во имя кого строить храм. О планах храма, препровождаемых Вашему Высокопреосвященству, обскажет лично подательница сего.

14 мая [1912 года]

1. Игуменья Руфина (Соснина Параскева Филипповна) — настоятельница Парфеновского монастыря. 1860 года рождения, поступила в Леу-

шинский монастырь в 1879-м, с 26.05.1888 указная послушница. Приняла постриг 20.11.1900. В 1902-м по благословению архиепископа Гурия определена устроительницей Ново-Богородской Парфеновской женской общины Череповецкого уезда. 9.09.1909 утверждена начальницей. 24.03.1910 возведена в сан игумении (из Послужного списка Антониево-Черноезерского монастыря за 1918 г. – ГАНО, ф. 481, оп. 1, д. 200).

2. Отец Алексей – заштатный священник А. Богоявленский (?).

3. Черноезерский храм не был достроен, освящена только закладная доска.

4. Черепане – жители дореволюционного города Черёповца.

Письмо № 11

Ваше Высокопреосвященство, высокочтимый, бесценный, родной наш Владыко – Отец и Архипастырь!

Прошу Вашего благословения и св[ятых] молитв. Давно стремилась душа моя написать Вам, чтобы излить пред Вами, насколько возможно, полноту чувств признательности за высокое внимание и ласки, коими Вы счастливили меня во все время пребывания Вашего в здешних краях. Но, сознавая свое в сем бессилие, лучше предоставлю сердцеведцу, держащему «в руце Своей сердце Святителево», возвестить Вам все. Теперь же решаюсь писать Вам в виду накопившихся дел, о которых, думаю, следует сообщить Вашему вниманию и Богомудрому указанию мне для дальнейших моих действий.

1. Первый из недоуменных моих вопросов следующий. Из прилагаемого при сем письма г[осподина] Пустошкина Вы, Св[ятый] Владыко, вероятно усмотрите (как и я) о намерении его оказать деятельную помощь, о каковой он и обещает «возвестить мне» по возвращении из путешествия. Если он скажет, что усердствует выстроить храм для Черноезерской обители, то что мне ответить ему? Отклонить или принять с благодарностью, переговорить об условиях и о каких именно? Необходимо бы, Св[ятый] Владыко, мне заручиться в этом отношении Вашими указаниями заранее, чтобы своими личными взглядами и словами не испортить дела.

2. Св[ятая] икона, встреченная в Черноез[ерье] крестным ходом, прислана им, Пустошкиным, на начало дела. Происхождение ее нам неизвестно, знаю только то, что она та самая, на которую у

нас вышивали ризу, по его заказу, для Воронцова. Только успели к назнач[енному] сроку отправить ее в Петербург, как на той же неделе получили ее обратно, для Черноез[ерской] обители, куда я сама и провожала ее. О торжествах встречи крестным ходом не смею описывать, чтобы не утомить Вашего внимания.

Так[им] обр[азом] вот уже 4-й раз с мая мес[яца] посетила я Антониеву Пустынь; около 1-го авгус[та] придется и еще туда ехать, так как около этого времени обещают окончить дом вчерне, то есть стены подвести под крышу. К тому же сроку хотели прислать из Петерб[урга] и часовню (над Крест, Вами водруженный), модель каковой при сем представляю. Получив окончательную цену ее, я сочла ее слишком дорогою, почему и намеревалась посмотреть в Москве, но прежде попросила Мироновых поразузнать. Оказалось, что в Москве вдвое дороже, так я и не поехала, а порешила (чрез подворье) заказать в Петерб[урге]. Для покрытия крыш и дома и часовни послала листового железа на 200 р. Стоимость же всего дома превысит 2000 р. Вообще дела в новой обители идут успешно; у них уже поставлен свой двор для скота, где стоит своя лошадка и 2 коровы, обильно насыщающие их молоком. Одну из которых подарил им свящ[енник] Перкатов. И вообще все окрестные православные относятся к ним доброжелательно и усердствуют. Провизией они теперь обеспечены на всю зиму, до след[ующей] навигации: я послала им всего более чем на 300 р. Жаль, что в эти 2 летние мес[яца] подворье наше не дает нам никакой помощи.

Они и я озабочены мыслью о неимении у них духовника; у местного священника им не хочется как у светского, не понимающего жизни монашеской, да и привыкли в Леушине открывать свои души иеромонаху. Вот наступает Успенский пост, и просят они, нельзя ли нашему духовнику, иером[онаху] Евгению (из Тихв[инского] Больш[ого] мон[астыря]) проездом к нам или от нас, заезжать к ним в Черноезерье.

Многое бы еще надлежало написать Вам, Св[ятой] Владыко, но и Вас утруждать не смею да и пишется-то уже очень плохо, неровно, криво, — зрение изменяет, скоро устают глаза. Уж не архиепископу теперь мне писать, да еще такому, как Вы! Только одна надежда на невзыскательность Вашу с 70-летней старицы движет рукой. О, как бы хотелось скорее увидеться с Вами, Св[ятой] Владыко! Скоро ли дождусь этого счастья? Вы так напомнили нам не-

забв[енного] нашего отца Иоанна, и с Вами мы чувствовали себя как [с] ним, родным и близким сердцу.

Вы, Владыко Святый, желали иметь на память его вещишки — примите таковые от меня: его пояс, ношенный им в последние годы, вставочку для перьев, коею он писал, и портрет на фарфоре. Примите также и варенье по 10 фун[тов] Черноез[ерской] земляники и Леуш[инской] клубники. Водянисты ягоды ныне от дождей, а морошки и вовсе нет. Простите, Владыко, что так утрудила Вас чтением, но считала нужным сообщить Вам.

Вашего Высокопреосвященства послушн[ица]
игум[ения] Таисия
(Июль 1912 года (?))

Письмо № 12

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь и Отец!

Земно прошу Вашего благословения, а равно и прощения мне в дерзновении моем беспокоить Вас этим частным письмом. Долго боролась я с решимостью писать, чтобы не возбудить Вашего неудовольствия, но и умолчать со своей стороны, относительно м[атери] Маргариты, хотя Вы в настоящее время, по всей вероятности, знаете все, я все-таки думаю и со своей стороны Вам доложить. Тем более что Вы можете заподозрить мое вмешательство и участие в этом деле. Простите за подробности: в последний день моего пребывания в Петербурге, а также и о[тца] архимандрита Варсонофия, он посетил меня и сказал, что, между прочим, г[осподин] обер-прокурор озабочен приисканием настоятельницы для Благовещенского Воронцовского монастыря и что сестры просят возвращения бывшей у них м[атушки] и[гумении] Таисии, но что он не думает, чтобы ее назначение было бы подходящее.

С ним вполне согласилась и я в виду слабых характеристик м[атери] Таисии, а он упомянул: вот бы такую, как м[ать] Антонина Черноезерская, на что я ответила ему, что и это возможно, так как и игумений перемещают на другие места, если то находят нужным епархиальные начальства; тем более, что, как я думаю, Черноезерской обители трудно устоять без крупной помощи, в виду полнейшего отсутствия средств к существованию. В этот раз во время моего пребывания в Петербурге я Владимира Карловича

не видала, так как он почти все время отсутствовал, да и дела-то ведь никакого у меня нет. Вероятно, об этом докладывал Вам о. архимандрит, с которым мы и расстались, оба отъезжая в тот же день. Вдруг часа за два до моего отъезда на поезд, часу в 5-м, совершенно неожиданно взошел Владимир Карлович, а мы сидели за напутственным самоварчиком с пришедшими проводить меня немногими знакомыми.

Увидев наше смятение, он шутливо произнес: «счастливые всегда к чаю» и сел между нами. Затем прямо приступил к делу. «На этот раз я пришел к Вам с челобитной, отдайте мне монахиню, а я Вам дам тысячу рублей в пользу Черноезерья». Я ответила ему шуткой, что разве люди продаются, на что он сказал: «Да Бог знает, какие бы деньги дал иногда, чтобы найти подходящего человека, да его не найдешь» и прямо продолжил: «Отдайте мне Маргариту, где она у Вас теперь? Я вспомнил ее, как она меня приглашала и сопровождала на Ваши юбилейные торжества (при преосвященном Гурии). Я рад, что вспомнил об ней». В разговоре я упомянула, что надо написать Вам, на что он мне ответил: «Обоих Владык, Новгородского и Псковского, известит Св[ятейший] Синод, а Вы только пришлите ко мне Маргариту». И даже сам продиктовал ей телеграмму, которую я тотчас же и послала, чтобы Маргарита выехала ко мне в Череповец на другой же день, что она и исполнила. На другой день вечером она была уже у меня на подворье в Череповце, где я и могла ей сказать суть дела, по которому требует ее г[осподин] Саблер, и она сряду же уехала к нему. О том, что последовало далее, мне известно только из ее письма, которое целиком препровождаю Вашему Высокопреосвященству, — конечно, только ради того, чтобы Вы не заподозрили меня во вмешательстве в это дело, во всем для меня даже неожиданное. Я тотчас же порывалась сказать об этом о. архимандриту Варсонофию, но было уже поздно, я стала собираться на поезд, а между тем могла не застать в Лавре о. архимандрита.

В Черноезерье на предстоящий зимний сезон хлеб закуплен и своевременно получен, но как-то умудрились они накопить до 5000 р. долгу, в который не включается построение храма, на котором нет долгу, а все совершенное для храма, то есть бут под весь храм, после закладки его Вашим Высокопреосвященством, забучен кругом, кроме выступа по направлению к старому храму; осталось только до уровня земли не больше, как на четверть аршина, что и заложено мохом и забито досками, все это сделано на 5000 р.,

отпущенных Св. Синодом, так как специально на постройку храма и были отпущены эти деньги, а не на что-либо другое.

В нашей Леушинской обители за Ваши Архипастырские молитвы все благополучно и успешно. Урожай вполне удовлетворительный: ржи, пшеницы и особенно огородных овощей; овса, как и повсеместно, плоховато, но все-таки заготовлено потребное количество, а что всего для нас дороже – нашелся благодетель, поусердствовавший провести нам воду, которая так часто иссякает в наших колодцах. Этот благодетель знает Вас, Ваше Высокопреосвященство: это некто подрядчик петербургский Яковлев, он же делал нам водопровод в прачечную; теперь, слава Богу, так удобно для сестер. Он же хочет провести воду и в трапезу и поварню и пр., не знаю только, как позволит наш грунт, очень слабый; просим на все Вашего Святительского благословения.

Не знаю, когда Господь судит мне увидеть Вас, Ваше Высокопреосвященство; думаю, уже не ранее, как в Петербурге, в Новгород ехать слишком затруднительно. Поручаю себя св[ятым] Вашим молитвам, прося Вашего Архипастырского благословения на всю обитель и на себя, грешную послушницу Вашего Высокопреосвященства

игумению Таисию

1912 г[ода] Окт[ября] 20-го дня

Приложение

Письмо монахини Маргариты (Носовой)

Ваше Высокопреподобие,
дорогая матушка игумения, благословите!

Прошу Вашего благословения и св[ятых] молитв. Спешу написать Вам о своем путешествии; а как болит моя душа, то и не выразить.

В тот день, как я приехала в Петербург, г[осподина] Саблера увидела вечером и очень мало, назначил прийти на другой день утром. Вот я в 9 ч[асов] и явилась, он встретил меня со словами: «Как вы сумели уговорить меня поехать в Леушино на юбилей, так я вас теперь уговорю поехать в Воронцово». Я, конечно, стала отказываться, что его назначение я выполнить не могу, а он мне ответил: «А монах, давши Богу обеты послушания, может ли поступать самовольно?» и больше не дал возражать, а стал мне все объяснять положение Воронцовского монастыря. Потом велел прийти в Синод к 1 ч. дня, и я туда явилась;

там мне дали на дорогу 50 руб., и потом опять велел вечером придти к нему на квартиру за письмом к Псковскому владыке. Тут он меня ободрял, чтобы я не боялась и не смущалась, и надеялась бы на помощь Божию и на ходатайство приснопоминаемого батюшки о. Иоанна, который парит духом над нами, и добавил: «Я уверен, что Вас сам батюшка избрал». И так отпустил меня с назиданием. Сам же в 6 ч. вечера уехал в Спаль¹ к государю императору.

Приехала я во Псков, владыка принял очень ласково и сказал: «Я очень рад Вашему назначению», также стал объяснять все проделки монахини Алексии и сестер, рассказывал, как он был в Воронцове и сколько пришлось выслушать жалоб, добавил: «Все они там виноваты, Алексия не права да и сестры распущены». А мне сказал, чтобы я ехала домой и собирала бы вещи, да и обратно к нему, а он пока до Указа водворил бы своею властью.

Но я так не согласилась раньше назначения туда явиться, тогда он мне ответил: «Ну, я Вам напишу». И с этим я от него ушла, адрес дала на Вас. Я так духом и падаю, как я туда явлюсь, как на меня посмотрят, и как мы будем жить? Одна надежда на Ваши молитвы и на Вашу помощь в направлении и указании. С г[осподином] Саблером я мало поговорила, тряслась как осиновый лист. Теперь я еду прямо в Черноезерье, соберу вещи, кое-что надо сшить, и приеду к Вам, дорогая Матушка. Не знаю, где мне провести ожидаемое время до извещения – в Черноезерье или у Вас в Леушине? В Черноезерье неудобно сидеть за своей работой, да и адрес дала я на Леушино ради близости.

Простите Вашу скорбящую Маргариту.

[Без даты, октябрь 1912 г.]

1. Спала – имение Императора Николая II в Польше, где находился охотничий дворец.

Письмо № 13

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь и Отец!

Простите меня великодушно, что я осмеливаюсь беспокоить Вас этим частным письмом, сущность которого Вам, вероятно, уже известна; но я со своей стороны считаю своею обязанностью доложить Вашему Высокопреосвященству об одном из Черноезерских дел, которое осложняется другими вопросами:

Вчера я получила с почты бумагу от г[осподина] Новгородского Губернатора, что по прошению моему, поданному с Вашего Архипастырского благословения, он получил извещение, «что г[осподин] Главноуправляющий землеустройством и земледелием, по представлению его, то есть губернатора, разрешил Новгородскому Управлению земледелия и государственных имуществ отпустить на постройку каменного храма при Антониево-Черноезерской пустыни исчисленные по смете 966 бревен бесплатно, и для устройства временных лесов 150 бревен за таксу, о чем и сообщено названному Управлению для исполнения с препровождением сметы...». Конечно, это великая милость для Черноезерской пустыни, но при этом, в виду имеющего последовать в скором времени указания самой местности и распоряжения рубки леса, необходимо возникает вопрос, где Черноезерские достанут средства для наемки рубщиков и возчиков, так как мне хорошо известна их полнейшая в настоящее время нищета.

Если Вы, Ваше Высокопреосвященство, категорически откажете в помощи, то необходимо придется искать ее в ином месте. Иного места не знаю и не предвижу, как только Св[ятейший] Синод, обер-прокурор которого уже пообещал тысячу, о которой я могу просительно напомнить ему. Но, конечно, эта помощь слишком мала для сооружения храма, так что необходимо ходатайствовать о назначении, хотя [бы] в течение постройки храма, ежегодного пособия на этот предмет, хотя бы по 3000 руб. в течение 5–6 лет. Главное исполнено – бут, кроме верхних двух рядов закончен; но если не будет оказана помощь, то нельзя заготовить требуемый материал: недостающего камня, цемента и проч.

Может быть, Вы сами примете на себя труд этого ходатайства пред Св[ятейшим] Синодом, иначе я с усердием буду хлопотать, только не иначе как с Вашего благословения, так как мне все кажется за последнее время, что Вам неприятно мое вмешательство в дела Черноезерской обители. Простите, Владыко Святой, [но] если это так, то скажите мне откровенно, и да сохранит меня Господь делать что-либо вопреки Вашей воле. Меня так направляли Ваши предместники, Владыки-старцы Феогност и Гурий, говорившие мне: «Действуйте, помогайте, нам много важных епархиальных дел, а по монастырям-то работайте и Вы». И я работала изо всех сил, всю душу полагала для дела, но никогда, ни на одну йоту не злоупотребляла доверием Владык, напротив, дорожила им. Может быть, когда и переусердствую, но это уж от избытка любви

к делу, в которое втянулась. Также и к Черноезерью привязалась я всем сердцем, и невыносимо тяжело мне видеть их вопиющие недостатки, о которых тяжело и говорить.

Простите и простите, Владыко Святой, и не вините меня, ни в чем не[по]винную; тем более, Вы сами же благословили меня заботиться о восстановлении Черноезерской пустыни. И я горячо принялась за исполнение Вашей Святительской воли, это первая причина моего усердия, без всякой задней мысли. Судите сами, Владыко Святой: что мне нужно на краю моей старческой жизни? — если слава, и честь, и благодарность, то много я этого всего вкусила в жизни и прочувствованно пришла к заключению, что «все суета сует и всяческая суета», ежечасно превращающаяся и сменяющаяся противоположным; но дело-то это есть дело Божие и только одна Ваша Святительская воля может попрепятствовать моему усердию, ибо тогда я уже не отвечаю ни за что.

Дорогой, бесценный Владыко! Укажите, как мне сделать: подать ли прошение на имя г[осподина] Синодального обер-прокурора, так как можно рассчитывать на его милость, или сделать это через Ваше посредство, то есть подать прошение на Вас об исходатайствовании указанной субсидии на несколько лет [для] постройки храма.

Впрочем, я надеюсь, и мне очень хочется видеть Вас и переговорить с Вами обо всем лично. Просила бы я Вас лишь известить меня телеграммою в Череповце о том дне Вашего выезда из Новгорода, думаю, Вас это не затруднит.

Предаюсь всецело Вашим Святительским молитвам и благословиению.

Всем сердцем преданная Вам, милостивейшему Архипастырю и Отцу,

послушница Леушинская
игумения Таисия.

Р. S. Еще одной бы милости просила я Вас, Св[ятый] Владыко: разрешите остаться у нас ферапонтовской послушнице Анисье Сидоровой¹, не в силу какой-либо настойчивости с ее или моей стороны, а единственно в силу моего обещания ей, что когда она направит дело, то есть исполнит дело, для которого послана, я возьму ее обратно. Она беспорочно прослужила там 8 лет, и видно уж тяжело пришлось, если думать не может о возвращении в Фера-

понтово. Лично могу я Вам объяснить все, а писать неудобно, но более ни за кого ходатайствовать не буду.

1912 г[ода] Нояб[ря] 22-го дня

1. Сидорова Анисья Авдеевна (в монашестве Симеона), 1873 года рождения, из крестьян Череповецкого уезда Починковской волости, дер. Малый Починок. В 1893 году поступила в Леушинский монастырь. В 1904-м временно командирована в Ферапонтов монастырь для прохождения послушания регентши и уставщицы. С сентября 1912 года в Леушинском монастыре (из Послужного списка Ферапонтова монастыря за 1912 год. – РГАДА, ф. 1441, оп. 3, д. 2560). Приняла постриг в 1921-м (из Послужного списка Леушинского монастыря. – ГАВО, ф. 1129, оп. 1, д. 2).

Письмо № 14

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь и Отец!

Согласно благословению Вашему, я уехала в обитель в понедельник вечером, хотя и очень хотелось дожидаться Вас, чтобы поговорить еще раз о своих делах, сообщить Вам о милостивом Царском приеме, о результате нашего соглашения с архитектором Романовым, предполагающим сделать довольно крупные изменения в плане Черноезерского храма относительно помещения раки мощей преп[одобного] Антония. Я просила его побывать у Вас и лично объяснить все, что он обещался сделать 6-го числа. Новый его проект будет удобен для постройки храма, причем уже не будет служить помехою старый храм, так как постройка будет производиться не вокруг его, а рядом. Относительно же проектируемой им постройки в виде часовни – это на Ваше усмотрение.

С благословения Вашего я упоминала Его Величеству о Черноезерской возрождающейся пустыни и то потому, что пришлось к слову, когда он, любуясь книгою о Ферапонтовом монастыре, спросил меня: «Это уже последний монастырь вы восстановили?» (Раньше мы говорили о моем участии в устройстве монастырей о. Иоанна). Вот на этот вопрос я и ответила, что уже после того только в прошлом году летом мне поручил наш архиепископ Арсений восстановить эту пустынь с миссионерскою целью, среди раскольнических скитов, изобилующих в той местности. На это он сказал: «Это тоже великое дело», и стал расспрашивать меня о

Черноезерье. Конечно, я ответила ему всю правду, закончив, что ни средств даже, не только обеспечения не имеется никакого. Он ответил: «Но в такой короткий срок, конечно, нельзя все сделать, — Бог даст, будет все».

Приняли они меня как родную, и я удостоилась сидеть между царем и царицей, принявшей меня прежде Его Величества в его покоях, спустя около получаса вошел государь. Я была совершенно поражена его милостивым, ласковым, кротким взглядом. Он подошел ко мне, подал руку и предложил сесть и сам сел подле маленького столика; против него, с другой стороны столика, села царица, а мое место пришлось как раз между ними с третьей стороны. Стихи сказать пришлось мне самой, при третьем четверостишии у него блеснули слезы; когда я кончила, он встал, подал мне руку и сказал: «Благодарю, прекрасно написано».

Вообще, Владыко, было бы слишком долго описывать все; впрочем, в виде мемуаров я все запишу для себя. Замечательно только его слово, когда я сказала после произнесения стихов, что не высказать никакими словами ту полноту чувств, которая [на]-полняет мою душу, то есть чувств преданности, любви, что они не поддаются выражению, то он ответил: «Вы, Матушка, уже доказали и доказываете своим усердием и ревностью по Бозе на пользу Св[ятой]. Церкви — это лучшее доказательство преданности, и для нас не может быть ничто дороже этого; если бы каждый относился к порученному ему делу с таким усердием, то хорошо было бы».

Вчера был у меня Влад[имир] Карл[ович], и между разговором я упомянула о его обещании выхлопотать для Черноезерья сборную книгу хотя бы года на три, пока обитель не имеет ничего, даже куска хлеба. Он ответил, что можно подать прошение на его имя, конечно, чрез Ваше Высокопреосвященство. Но я думаю, ввиду скорого отъезда Его Величества и так как я только что имела честь беседовать с ним о Черноезерье, лучше бы отложить до мая, когда Их Величества вернутся, — впрочем, как Вы благословите. А вот второе прошение, о котором я говорила Влад[имиру] Карл[овичу], можно бы сейчас подать, конечно, если Вы соизволите, — об отпуске, хотя [бы] на 3 года только, по одной тысяче в год, для первоначальной поддержки на пропитание Черноез[ерских] сестер, которые сидят без хлеба; если нельзя из сумм Св[ятейшего] Синода, как сказал Влад[имир] Карл[ович], то из сумм Госуд[арственного] Казначейства, каковое прошение

он проведет через Госуд[арственную] Думу, в которой мне обещали похлопотать старший обер-секретарь Думы. Прощение это представляю Вашему Высокопреосвященству, причем прошу прощения, что упомянула о Вашем на то благословении, еще не заручившись им, но ведь иначе я не могу подать прошение, а между тем сегодня же уезжаю по Вашему благословению.

Еще, Владыко Святый, не смею не представить Вам прошение нашего несносного свящ[енника] Селиванова, все-то он не может усидеть на одном месте, хотя получает теперь до 700 рубл. в год от монастыря, не говоря о сторонних доходах. Умоляю я Вас, Владыко, не переводите его, опять подворье останется без священника, да еще на пристань надо приискивать какого-нибудь старца, беда мне с приискиванием священников.

Простите, что утрудила письмом, но многое бы еще надо поговорить, поручаю это посланной передать Вам лично.

Вашего Высокопреосвященства нижайшая послушница
игуменья Таисия
[1912 год]

Письмо № 15

8-го января 1913 г[ода]

Ваше Высокопреосвященство! Благодетельнейший наш Архипастырь и Отец!

Мысленно повергаюсь к стопам Вашим, прося Вашего Святительского благословения, в котором нуждаюсь, особенно в настоящее время, при начале Нового сего года, который, ввиду моих старческих лет, могу считать и последним. Поэтому мне нужно исправление от многих моих недостатков, каковые, по милости Божией, указывает сама жизнь, иногда независимо от нас, но, при внимании к себе, ясно и ощутительно. Но Ваши Святительские молитвы да помогут мне во всем!

Как благодарить мне Вас, Святый Владыко, за все Ваши милости и благодеяния и Ваше высокое ко мне внимание, оказанные в минувшем году? Дорогой Владыка! Ведь я все понимаю и ценю, и вполне чувствую, но только не знаю, как выразить Вам мою благодарность достойно Вашего высокого сана! Все слова мои, хотя вполне искренни и истекают от чистого сердца, что видит Бог, но все они составляют речь простую, неискусную настолько, чтобы соответствовать высоко-

му лицу, к которому относятся. Итак, Владыка, простите за безыскусственную речь, и Сердцеведец да возвестит Вам все!

Дивлюсь Вашей благодати, Владыко Святой, по отношению к А[нисье] Сидоровой. Дивлюсь еще более величию Вашей души, совмещающему мудрость и смирение! Да воздаст Вам Господь, сам Источник мудрости и благодати.

Теперь, Владыко Святой, дозвоьте сказать несколько слов по поводу предположения Вашего посетить Череповец. Осуществится оно или нет? И, если осуществится, то когда именно, так ли, как Вы предполагали 2-го и 3-го, или в другое время? Простите, что спрашиваю об этом, но не из простого любопытства, а ввиду того, что 2-го числа храмовый праздник¹ нашей подворской Череповецкой церкви. Я не осмелилась (при личном с Вами о сем разговоре) просить Ваше Высокопреосвященство осчастливить нас Вашим служением, так как Вы намеревались служить в соборе, а служить оба дня, думаю, было бы для Вас слишком затруднительно и утомительно, потому что вернетесь в Петербург опять-таки к занятиям, а не к отдыху. Притом, мне бы хотелось, то есть нужно было бы знать, прикажете [ли] приготовить мне облачение и все нужное для Архиерейского служения, из коих в соборе ничего не имеется, или все таковое привезется с Вами. Я думаю спросить об этом о. ключаря Новг[ородского] Собора², чтобы не утруждать Вас ответом, каковой, впрочем, Вы можете словесно дать заведующей нашим подворьем, вызвав ее по телефону.

Вы, вероятно, уже знаете, Владыко Святой, что я имела честь и счастье получить чрез г-на губернатора от Их Императорских Величеств благодарность за принесенное мною по обычаю поздравление с наступившим Новолетием; вот буквальные слова бумаги Министра Двора: «Их Императорские Величества повелеть соизволили благодарить Вас с сестрами за принесенные ко дню Нового года поздравления».

Радуюсь, что, м[ожет] б[ыть], скоро увижу Вас, Святой Владыко, и утешусь личною беседою с Вами, а пока прошу заочного Вашего благословения для себя и на всех сестер, моих и Чернозерских, и всех имеющих счастье пребывать под Вашим Архипастырским покровом, которому всецело и поручаемся.

Вашего Высокопреосвященства нижайшая послушница
игумения Таисия

1. 2 февраля (старого стиля) – храмовый праздник подворской церкви Сретения Господня.

2. Ключарем Софийского собора в 1913 году был протоиерей Николай Стягов – впоследствии архиепископ Боровичский Никита (†1936).

Письмо № 16

Христос Воскресе!

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь и Отец!

Позвольте поздравить Вас с Светлым праздником Воскресения нашего Спасителя и пожелать Вам встретить и провести эти Светлые дни в светлом состоянии духа, покое, радости и в добром здоровье.

Долгом считаю сообщить Вашему Высокопреосвященству о своем утешении: я имела счастье получить Высочайшую телеграмму от Ея Величества, в которой не только милостиво благодарит меня за поднесенные Им художественно вышитые старинным швом оплечья, но и спрашивает в моем здоровье. Самый текст телеграммы помещаю на обороте, а Вас прошу простить и благословить нижайшую послушницу Вашего Высокопреосвященства Леушинскую игумению Таисию.

«Мне передали ваши чудные оплечья, и я любовалась прекрасною работою. Сердечно благодарю. Надеюсь, что Ваше здоровье хорошо. Поручаю себя молитвам Вашим. Александра».

[Апрель 1913 года]

Письмо № 17

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко!

Прошу Вашего благословения и спешу известить Вас о представлении нашем (то есть моем с 10-ю монахинями) Их Величествам, состоявшемся, как Вы уже, может быть, известились из газет, лишь 3-го августа, конечно, по не зависящим от нас причинам, по которым и пришлось мне пробыть, как изволите видеть, до сего дня. 3-го августа, то есть вчера в 11 час. утра за нами были присланы четыре придворные кареты, 2 четырехместные и 2 двухместные, и повезли нас на Балтийских вокзал. В Петергофе произошло то же и привезли сначала к большому дворцу, где предлагали закуску и чай,

чем мы однако не воспользовались, и проследовали в собственный Ея Величества дворец Александрия. За нами на отдельной платформе везли и стяг. Нас встретил дежурный флигель-адъютант кн[язь] Мещерский¹ и предложил пройти в приемную, так как у государя сидели тетка его Мария Павловна², Ирена Прусская³ и вел[икий] кн[язь] Сергей Михайлович⁴, прибывший проститься с государем ввиду его отъезда. А в 4 часа ему надлежало ехать на маневры в Красное Село, что описано все в газете «Новое время», мы же должны были представиться в 2 часа. Сестры занялись выниманием стяга и приспособлениями, но являлось сомнение: примет ли он нас, как сказал мне адъютант. Но нас не замедли[ли] позвать наверх, куда понесли знамя и все и разложили все на столе; меня посадили в лифт и подняли туда же. Там еще никого не было, но скоро вошла императрица и сряду же подала мне руку, которую я поцеловала, а она поцеловала мою и первые слова ее были: «Какая чудная работа». Сряду же за ней вошел государь император и прежде всего подал мне свою царскую десницу, конечно, которую я облобызала, но он сам-то поцеловал мою, что меня так смутило, что я подумала, не ошиблась ли со слепотою своей и сказала ему: «Ваше Величество! Это Вы?» Он так ласково улыбнулся и сказал: «Я, я сам!». Между ними принесли и наследника – то же проделалось и с ним. Государь император с императрицей подошли к стягу, любовались работой, рассматривали, переворачивали его и видимо остались очень довольны. Считая обязанностью сказать что-нибудь вроде речи, я начала читать стихи, которые изволили слышать и Вы, и когда я дошла до слов перехода от обращения к государю к наследнику: «Ты, Отрок Царственный, наш Ангел дорогой», оба они с государыней прослезились, что заметили все присутствующие, по прочтении стихов я подала ему «опись стяга», которую он немножко просмотрел и за которой были положены стихи, сказанные мною наизусть. Государь, увидев это, как бы обрадовался, также и государыня и наследник, все время бывший веселенький. Государь сказал: «Вот хорошо, что у Вас написано, вот мы все на досуге рассмотрим, прочитаем». Он пристально смотрел на сестер и неоднократно приветствовал их улыбкой и спросил: «Долго ли шили этот стяг?», я ответила: «Долго, Ваше Величество». «А сколько человек?» – «Человек двадцать или более». Ее Величество подошла к сестрам и каждой из них подавала руку и говорила спасибо. Когда она вернулась, я спросила ее: так как у нас осталось $1\frac{1}{4}$ арш[ин] материи, которую они покупали для облачения, то что благоволите вы-

шить, пелену или митру? Государыня с радостью воскликнула: «Митру, митру», а Его Величество преинтересно сказал ей: «А выйдет ли еще митра из аршина?» И после моего утвердительного ответа сказал: «Лучше митру». Все было так просто, так естественно, как будто не с царями говорили, а с обыкновенными людьми. Всего, Владыко Святый, не опишешь, но только поразила нас всех простота, правда говорится пословица: «Чем выше, тем проще». Когда уже пришло время уходить, он снова поклонился всем и сказал: «Сердечное Вам спасибо за труды и молитвы» и видимо был очень тронут. Ее Величество стояла рядом со мной и все усаживала меня на стул, говоря: «Ведь Вам трудно стоять», я ответила ей: «Как я могу сидеть, когда передо мной царь стоит, солнышко наше». Наконец, когда мне подали лифт, а я в него вошла, государыня-голубушка сама стала поправлять мне одежду, чтобы не прищемилась она, а государь стоял и все время провожал глазами уходивших сестер. Еще забыла сказать, что упоминала Его Величеству и о церкви привокзальной, и [он] велел телеграфировать ему в день закладки. Так состоялась наша аудиенция, но всего не опишешь; спешу только это написать Вашему Высокопреосвященству, чтобы скорей известить Вас.

Нижайшая послушница игумена Таисия.
(В виду праздника уезжаю 6-го веч[ером]).

Р. S. Убедительно прошу Вас, Св[ятый] Владыко, сделать зависящее от Вас распоряжение об ускорении дела покупки соседнего места, от это[го] зависит многое, ради Бога.

[3 августа 1913 года]

1. Князь Мещерский Владимир Петрович (1838–1914) – камергер, писатель-публицист, издатель еженедельника «Гражданин» и журналов «Добро» и «Дружеские речи» (с 1903). Был близок к государю Николаю II.

2. Великая княгиня Мария Павловна (1854–1923) – жена великого князя Владимира Александровича, урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская.

3. Ирена Прусская – Ирина-Луиза-Мария, урожденная принцесса Гессенская, жена принца Генриха Прусского, брата императора Вильгельма, родная сестра императрицы Александры Федоровны.

4. Великий князь Сергей Михайлович (1869–1918) – внук царя Николая I, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны. Убит в 1918 году под Алапаевском.